

Знаменитые пары СССР

КОСМОС

Иногда

олег

СТРИЖЕНОВ

лионелла

ПЫРЬЕВА

Олег Александрович Стриженов
Олег Стриженов и Лионелла
Пырьева. Исповедь
Серия «Знаменитые пары СССР»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23653563

*Олег Стриженов. Олег Стриженов и Лионелла Пырьева. Исповедь:
Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906914-43-9*

Аннотация

«Судьба несколько раз сводила меня со Стриженовым, как будто испытывала мои чувства на прочность», – рассказывает актриса Лионелла Стриженова. В 1955 году 17-летняя Лионелла Скирда впервые посмотрела фильм «Овод» и была поражена красотой и мужеством главного героя, которого играл Олег Стриженов. Провидение послало им случайную встречу в родном городе Лионеллы – Одессе, где проходили съемки фильма «Мексиканец». В тот день девушка шла в поликлинику и вдруг увидела толпу. В самом центре съемочной площадки стоял Стриженов. «Он повернулся, посмотрел на меня и сказал: “Ее не прогоняйте”. А в перерыве между съемками подошел и спросил мое имя. Так мы познакомились», – рассказывает Лионелла Ивановна. Но это был мимолетный эпизод. Вновь встретились они лишь спустя годы и больше уже не расставались. Эта книга –

предельно искренний рассказ Олега Александровича Стриженова о себе и своей жене.

Содержание

Последний романтик, кумир поколений	6
Предисловие	11
Детство	14
Братья. Эшелоны на путях	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Олег Стриженов
Олег Стриженов
и Лионелла
Пырьева. Исповедь

© Стриженов О., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Последний романтик, кумир поколений

Имя Олега Стриженова – кумира не одного поколения – давно стало символом героя-романтика. И не только на экране – по неповторимым образам в фильмах «Овод», «Капитанская дочка», «Сорок первый», «Белые ночи», «Северная повесть», «Пиковая дама», «Неподсуден»... Зрители 1960–1970-х помнят его порывистого, мятущегося Треплева в чеховской «Чайке» на сцене МХАТа в постановке Бориса Ливанова, барона Тузенбаха в «Трех сестрах», когда такая притягательная внешняя красота актера вдруг исчезала, прячась за нездоровой бледностью лица, круглыми стеклами маленьких очков, а открывалась душа героя – ранимая и страдающая. И конечно, не забыть его Незнамова в спектакле «Без вины виноватые», где Стриженов играл в паре с Аллой Тарасовой. Это был дуэт двух великих актеров. Как и на заре его кинематографического взлета, в фильме «Овод» с Николаем Симоновым – Монтанелли.

Придя в Московский художественный театр в начале 60-х прошлого века, на гребне своей кинославы, Стриженов – выходец совсем не мхатовской школы, а шукинец-вахтанговец – был принят знаменитыми «стариками» легендарной сцены как равный. Борис Николаевич Ливанов, ставя «Чайку»

именно на него, говорил: «У меня «Чайка» больше станет не она, а ты в роли Треплева». Так и вышло: герой Олега Стриженова стал средоточием спектакля, его магнетической силой и заставлял зрителя всецело сострадать этой трагической личности.

Двум братьям – Глебу и Олегу из семьи потомственных военных суждено было стать актерами. Старший, Борис, погиб в бою под Сталинградом. По признанию Олега Александровича, многие сыгранные роли кажутся ему биографическими. Говоруха-Отрок в «Сорок первом» напоминал ему отца, когда-то выпускника петербургской Николаевской кавалерийской школы. Играя в фильме «Неподсуден», он представлял брата Бориса, летчика военной эскадрильи. А хождение в комендантский час по московским крышам времен войны (проводив знакомую девушку, так скрывался от ночного патруля) послужило этюдом к учебному спектаклю «Ромео и Джульетта».

Каким бы мог быть Ромео Олега Стриженова на экране! Но никто из наших кинорежиссеров не взялся за трагедию Шекспира. Не сыграл замечательный мастер и предлагаемую ему роль (сохранились кинопробы) князя Андрея Болконского в «Войне и мире» Сергея Бондарчука. Кто знает, возможно, теперь, по прошествии лет, об этом все же сожалеет... Но тогда даже министру культуры СССР Екатерине Фурцевой не удалось уговорить его сниматься в грядущей киноэпопее.

Олег Александрович Стриженов – советский и российский актер театра и кино. Народный артист СССР (1988)

«Несладкий», неудобный для многих характер артиста, живущего по законам истины и совести, зачастую совсем не соответствовал изменчивому успеху. Но Олег Стриженов никогда не предавал себя, не растрачивал Божий дар своего таланта по мелочам, ничем не омрачив созданный им в искусстве образ красивого человека чести, достоинства и благородства, к чему так устремлял и наши души.

Татьяна Маришкова

Предисловие

Писать о самом себе довольно трудно и не совсем удобно – не все можно вынести на суд людей. Получается, что ты на исповеди. А исповедь – это тайна. Поэтому воспользуюсь некоторыми высказываниями обо мне постороннего человека – журналиста. Познакомьтесь с некоторыми выдержками из статьи Анатолия Байбекова «Джентльмен с голубыми глазами», опубликованной в петербургском журнале «Нева» за 1998 год.

«Актер мало играл современников и никогда не воплощал героя, потрясающего своей партийной совестью.

В Союзе он был самым деидеологизированным актером.

На «Ленфильме» Олега Александровича Стриженова называют истинно петербургским киноактером.

...Убивали его на экране часто. А вот от кино отлучили однажды и надолго. Отказался сниматься в престижной картине. Не подействовали уговоры самой Екатерины Фурцевой: отказался от роли Андрея Болконского. Характер у Стриженова очень нелегкий.

...Актер был представлен кинозрителями и в кандидаты на соискание Ленинской премии. Но это желание общественности оказалось из области фантазии. Нас воспитывали на иных образах. И не дали Стриженову премию. Как ни стран-

но, он вообще не лауреат... И это при его феноменальной популярности».

Одна небольшая неточность – у меня никогда не было голубых глаз. Эта легенда «голубоглазенького» тянется еще со времен фильма «Овод» и в особенности после выхода на экраны страны «Сорок первого». Глаза у меня зеленые.

Помимо звания «Народный артист СССР» есть еще кое-какие награды, и главная из них, которую я ценю более других, – медаль «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны».

Но что значат все награды и звания?.. Ведь на могильном памятнике их не перечислишь. Правда, в недалеком прошлом на надгробии даже писали, с какого года усопший состоял в членах Коммунистической партии. Зачем? Ведь перед Богом все равны. В стародавние времена говорили об умершем: «Раб Божий...» Лучшее надгробие, на мой взгляд, у прославленного русского полководца в соборе Александро-Невской лавры Петербурга, где на плите лишь три коротких слова: «Здесь лежит Суворов».

Но я отвлекся. Далее по тексту Анатолия Байбекова:

«...В то время он был звездой первой величины! Вообще-то его хождение по свету обширно. Словом, полмира он обошел, но остаться где-то там, за тремя морями, отказывался. А посулы и предложения были заманчивыми. Наверное, зря отказался?»

Ну, нет! Я – наш! По-другому и быть не могло! Я с самого детства помнил слова блистательного российского генерала А. А. Брусилова: «Считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы это ни стоило. Скитаться же за границей в роли эмигранта не считал и не считаю для себя возможным и достойным».

Заканчивает Анатолий Байбеков статью обо мне словами: «Нет теперь петербуржцев... Ну почти нет... Живет в Москве истинно петербургский киноактер – благородный джентльмен с голубыми глазами. Он – отец, дядя, дедушка; он – муж первой московской красавицы. Снимается редко. Пишет этюды, делает шаржи на коллег. Преемников в искусстве у него нет. Наверное, он последний из могикан?»

Детство

Я не знал своих ни дедушек, ни бабушек – третий сын в семье военного, кочевавшего в 1920-е годы по всей России. Мама всю жизнь была, как принято выражаться, домашней хозяйкой. Хотя получила блестящее образование в петербургской Мариинской гимназии при женском Институте императрицы Марии Федоровны с правом преподавания в начальных училищах и школах. Первые годы она учительствовала в Финляндии, тогда еще российской провинции, потом, кажется, в Петербурге. Но, после того, как она вышла замуж за выпускника известной петербургской Николаевской кавалерийской школы, ставшего красным командиром, ее спокойная жизнь кончилась. Вслед за мужем с моими старшими братьями Борисом и Глебом она оказывалась то в Персии, то в Туркестане, то на Дальнем Востоке – на самых окраинах России, где на границе не прекращались мятежи, разбои, конфликты.

Я появился на свет в 1929 году в городе Благовещенске на реке Амуре. Гражданская война давно кончилась, а отец все продолжал воевать. Теперь он гонялся, как тогда говорили, за бело-китайскими бандитами. Шли ожесточенные бои на КВЖД – Китайско-Восточной железной дороге, где он был командиром мангруппы – маневрированной группы, то есть кавалерийского разведывательного отряда.

Родители Олега Стриженова: Ксения Алексеевна и Александр Николаевич, г. Спасск. 1927 г.

Благовещенска не помню – мы оттуда уехали, когда я только-только вышел из грудного возраста. Зато следующее место жительства – Тифлис тридцать третьего года – до сих пор перед глазами. В памяти остался пыльный базар, ослики, сидевшие повсюду нищие и множество фруктов. Конечно, у четырехлетнего мальчика в первую очередь запечатлелись в Тифлисе река и фуникулер, который поднимал нас на гору Святого Давида, и как отец купил Глебу и Борису по оловянному пугачу и они салютовали из них над обнесенной решеткой могилой Грибоедова.

Тифлиссские дома потом напоминали мне одесские – со своими балконами, глядящими во внутренний дворик.

В тот год, помню, в Тифлисе было солнечное затмение, поэтому, если мне изменила память в цифрах, то этот редкий случай может точно указать дату нашего пребывания в Грузии. Борис тогда коптил пластинку 9×12, которую выпросил у отца (у него был «Фотокор»), и через нее мы наблюдали за солнцем во время затмения.

Но военная жизнь заставила уезжать и отсюда, нас увозил из города на вокзал открытый зеленый «форд», а следом бежала любимая дворовая собака, которая очень привязалась к нашей семье. Бежала, пока не выдохлась и не отстала. Я долго плакал из-за разлуки с собакой, но ничего поделать

было нельзя – в семье военного не то что животное, мебель и ту с места на место не перевозили. Брали лишь чемоданы и сундуки с самым необходимым.

Недолго прожили в Петергофе и Ленинграде, откуда переехали в Харьков – тогдашнюю столицу Украины, где на окраине города в районе знаменитого Лесопарка находилась пограншкола имени Ворошилова. Отец уже носил ромб в зеленых петлицах и имел звание комбрига. Несмотря на высокий воинский пост, он не пострадал во время «чисток». Наверное, оттого, что, как и все в нашей семье, оставался беспартийным. Партия – это всегда подозрительно. Зачем собираетесь? О чем шушукаетесь? Вдруг что-то плохое про вождей? Значит, нужна чистка рядов. Сталин убирал, главным образом, партийных, а отец был вне этого, его главным и единственным делом оставалась военная работа, он был настоящим службистом в хорошем понимании этого слова, военным профессионалом. «Я был строевой кобылкой, – говорил он в старости. – Кому я был нужен? В чем меня подозревать?» И правда, отработал честно положенное, а если надо – и сверх положенного, а потом – жена, дети, опять те же кони, любимая собака. Собаки у нас были на протяжении всей моей жизни, чаще немецкие белые шпицы.

В Харькове мы жили в военном городке на краю города, где размещались и штаб, и клуб, и жилые помещения. Вокруг на огромной территории казармы пограншколы, полигоны, даже свои воинские бахчи.

Я обожал вольную детскую жизнь и большую часть времени проводил на армейских конюшнях, где отец иногда находил меня спящим на соломе возле лошадей. В пять лет меня впервые посадили на коня и покатали шагом, вскоре я уже уверенно скакал на лошади. Конечно, под прикрытием (вернее, под страховкой) отца или коновода.

Когда пограншколу расформировали, мы переехали в Москву. С шестилетнего возраста я оказался жителем Замоскворечья, этого тихого уголка города, где когда-то происходило действие многих пьес А. Н. Островского. В некоторых из них мне впоследствии предстояло играть: «Правда хорошо, а счастье лучше» (Платона Зыбкина), «Без вины виноватые» (Незнамова), «На всякого мудреца довольно простоты» (Глумова), «Последняя жертва» (Дульчина).

Поселили нас на улице Коровий вал, сплошь до революции застроенной двухэтажными жилыми домами и конюшнями для конки – конно-железной городской дороги. Здесь еще витал дух дореволюционной купеческой Москвы. Это был район сплошных голубятен, в переулках паслись гужевые лошади, привольно себя чувствовали куры и свиньи. Кажется, не о начале XX века, а о моем Коровьем вале середины 1930-х годов говорит дореволюционный путеводитель: «Длинные деревянные заборы, бесконечные сады, ворота на запоре, за воротами псы, деревянные дома на каменных фундаментах. Целый день, особенно в будни, ни проезжего, ни прохожего. Ворота заперты, окна закрыты, занавеси опущены».

ны». С одной лишь разницей – на улицах двора. И далеко не интеллигентского круга.

И вот я вышел в первый раз из дома на прогулку во двор. В белых носочках, сандаликах, береточке, матросочке. Настоящий маменькин сыночек из буржуйской семьи. Местные мальчишки тотчас решили, как тогда говорили, «подкинуть пачек» новоселу «из гнилых интеллигентов». Но вот тут-то они и наткнулись хоть и на опрятного, но закаленного спартанским военным воспитанием паренька. Я уже знал, что, если к тебе подступают группой, – бей сразу главного, бей первым. Удалось сбить его с ног, другие затихли, уважали барчука в матросочке. Разревелся я уже дома от злости: купите мне, как у всех, косоворотку, и ходить я теперь буду только босиком.

И все дальнейшее замоскворецкое детство прошло в саатиновых трусах и простенькой рубашонке, которые не мешали носиться по улицам, бежать купаться на Москву-реку и драться с мальчишками чужих дворов. Чаше – из-за голубей. А зимой – это всегда лыжи на Воробьевке и в Нескучном саду и обязательно коньки. И еще излюбленное занятие: на валенках – гаги, крюком ухватишься за грузовик, другие – друг за дружку, и вот по переулкам за машиной вьются колбасой пять-десять мальчишек с криками и свистом.

Как мы гоняли по льду в парке Горького вокруг знаменитой «Девушки с веслом»! Об этой скульптуре потом писали как об образце безвкусицы. Но мне и моим сверстникам «Де-

вушка с веслом» памятна как знак нашего детства. Рядом, в знаменитом шестиграннике, – ресторан и танцплощадка. А ближе к набережной – тоже незабываемая и тоже снесенная позже парашютная вышка.

Жизнь в парке Горького не умирала и в годы войны. Здесь устроили в сорок втором году трофейную выставку сбитых немецких самолетов, искореженных танков и артиллерийских орудий. Позже на набережной поставили наши пушки, из которых впервые салютовали нашим победам в сорок третьем году. Вскоре салюты стали привычными в нашей жизни.

Сейчас мне более грустно, чем в войну. Конечно, возраст дает о себе знать. Но не только в этом дело. Народ стал мрачнее и менее общительным. Оправдываются, что устают, жизнь бедная. Но мы, пацаны военного времени, и на работе уставали, и недоедали, а все равно не упускали случая поката́ться на коньках, повеселиться и даже поозоровать, мягко говоря.

Военная Москва – это не только траурные дни, но и праздники. Влюблялись, ходили на танцы в громадный по тем временам кинотеатр «Ударник», где в фойе выступали артисты и где мы слушали молодую певицу Капу Лазаренко. «Ударник» всегда был переполнен шестнадцатилетней молодежью, приезжающими в отпуск с фронта военными, командированными, московскими рабочими и служащими.

Сорок четвертый год. Весна. Танцы. Знаменитая и модная

тогда «Линда». Потом кинофильм – то ли «Королевские пираты», то ли «Остров страданий». Последний сеанс закончился поздно, и я пошел провожать мою девочку Катю, жившую на Ордынке. Пока «напровожались», минула полночь – настал комендантский час. А мне идти аж от самого Балчуга!

Я знал по опыту, как избежать патрулей. Во-первых, надо быть начеку, чтобы вовремя услышать их шаги по пустынным мостовым. Во-вторых, нельзя идти по освещенным улицам.

Пробираюсь домой по темным переулкам. И вот почти у цели – во дворе кинотеатра «Авангард». Смотрю из-за угла... Калужская площадь освещена, и на перекрестке Житной улицы стоит военный патруль. Мне всего-то прошмыгнуть через освещенную полосу шириной десять-двадцать метров, там будет двор, который упирается в сараи, по крышам переберусь к своему дому. Мне там каждая досочка знакома.

Олег Стриженов с родителями. 1933 г.

Стою, жду. Думаю, как только отвернутся, побегу, меня не догонят – я моложе, мне ни винтовка, ни шинель не мешают. Наконец отвернулись. Я рванул, миновал уже ворота, вбегаю во двор и слышу – топот за собой. Припустился еще стремительнее, упал на скользком месте, тут же вскочил и вновь побежал. Слышу сзади выстрел, но в темноте им по мне не попасть. И вдруг винтовка загремела о землю – это мой преследователь поскользнулся там же, где и я. Теперь уж, если догонит, то будет бить долго и больно. Но я уже забрался на крышу сарая, спрыгнул в свой двор, влетел на второй этаж и, не включая свет, заперся в квартире. Потихоньку подхожу к окну, всматриваюсь. Патрульные стоят около нашего двора,

переговариваются. Наверное, догадались, как я скрылся от них. Но наши ворота на запоре, перелезть не стали. А если бы и перелезли – где меня искать?...

Вот такой получился этюд к «Ромео и Джульетте». Когда я потом в училище играл Ромео, часто вспоминал о патруле, ведь у шекспировского героя каждое свидание и провожание – тоже опасность на каждом шагу, только виной тому не комендантский час, а ненависть между двумя семействами – Монтекки и Капулетти.

Эту опасность очень хорошо уловил режиссер фильма «Ромео и Джульетта» с участием популярного ныне голливудского артиста Леонардо ди Каприо. Удивительно, что никто из критиков не заметил открытие, которое есть в этом фильме. Обычно в последней сцене Ромео пьет яд, целует Джульетту и говорит: «С поцелуем умираю». Здесь же последняя фраза не произносится. Просыпается Джульетта, видит мертвого Ромео и говорит последний монолог. И здесь Ромео приоткрывает глаза, он еще не умер и все слышит, хоть его возлюбленная об этом не догадывается. И лишь когда она после своего последнего монолога целует его, Ромео произносит слова: «С поцелуем умираю». Это – отлично! Реально, жизненно!..

Но я отвлекся. Итак, вернемся во времена Великой Отечественной войны.

Насколько помню, бомбежки Москвы начались ровно через месяц после объявления войны.

До сих пор сохранился универмаг на Серпуховской площади. Впритык к нему, на Коровьем валу, находился известный кинотеатр «Спорт», построенный в 1914 году и носивший тогда имя «Великан». «Великан» – потому что имел самый вместительный зрительный зал в дореволюционной Москве. Но в конце тридцатых годов он уже уступал по размерам не только «Ударнику», но и соседнему «Авангарду», превращенному в кинотеатр из огромного храма.

Впритык к «Спорту» находилась пекарня. И в оба этих здания при первой же бомбежке угодила бомба. Стоявший поблизости универмаг остался цел, а кинотеатр и пекарню разнесло начисто, наутро всю улицу покрывало тесто.

Чуть дальше от Серпуховки к Павелецкому вокзалу разбомбили еще один кинотеатр – имени Моссовета.

Мы, мальчишки, в начале войны красили негорючей известкой чердаки, очищали их от рухляди, посыпали пол песком, ставили бочки с водой, рядом клали щипцы. Зажигалки падали на дома целыми кассетами. Мы хватали их щипцами и тушили в бочках с водой.

Иногда зажигалки не загорались. Если отвинтить у них головку, то высыпется серебристый порошок. Мальчишки поджигали его, часто вместе с неразорвавшимися снарядами. Так появлялись пареньки с оторванными пальцами.

В сорок третьем году поблизости от нас без объявления тревоги разорвалась торпеда, снесла несколько домов, где учились мои довоенные школьные товарищи. Потом долго

на этом трагическом месте оставался пустырь.

Ныне на Коровьем валу многое изменилось: осталась только бывшая музыкальная школа да появилось новое длинное серое здание. На месте «Спорта» выстроили кино-театр «Буревестник». Большая часть улицы, где кипела наша мальчишеская жизнь, теперь превратилась в подземный проезд.

Со временем к бомбежкам стали привыкать, иногда даже не просыпались от взрывов.

Шла трудная военная жизнь. Люди получали похоронки, ночами простаивали в очередях, чтобы отоварить продуктовые карточки. Но не покидало ожидание чего-то хорошего в будущем. Озверевших не было, а если бы и попались такие, народ быстро бы их приструнил. Людей спланивало общее горе, и все становилось внимательнее друг к другу, можно сказать, добрее и приветливее.

Несмотря на усталость, недоедание и холод в домах, жизнь у нас, замоскворецких пацанов, не прекращалась. Все так же бегали в наш «парчок» на каток, не расставались с «Шестигранником» и «Девушкой с веслом», с Воробьевкой, ее крутыми спусками и трамплином. Не надо думать, что этим ограничивался круг наших занятий. Мы успевали бывать и в театрах, слушать очень популярные в то время радиопостановки с участием известных артистов и читать.

Что у нас еще было в детстве? Конечно, кино. Фильмы мы смотрели по многу раз и знали их наизусть. Как-то спустя

несколько десятилетий я признался кумиру наших детских лет Крючкову:

– Николай Афанасьевич, в году тридцать восьмом или тридцать девятом ты шел в модной кепке, в сером костюме и с орденом Ленина на груди в сторону Якиманки, а мы за тобой, пацаны, всю дорогу бежали с восторженными глазами. Уж не знаю, зачем ты туда шел...

– Я сейчас не упомяну, за мной везде мальчишки бегали. А на Якиманку шел, наверное, к Петру Алейникову, он там тогда жил.

Бегали мы не только за Крючковым. Помню, раз в ВТО, уже много лет спустя, Яншин познакомил меня со знаменитым спартаковским вратарем Анатолием Акимовым (о нем написана книга «Вратарь республики»). Я, уже известный актер, говорю:

– Дядя Толя, если б вы знали, сколько раз мои руки были разбиты за право поднести ваш чемоданчик, с которым вы ходили на тренировки и игры.

У него аж слезы навернулись на глаза.

На Крымском валу, где позже выросло здание Центрального дома художника, в мои мальчишеские годы был деревянный большой стадион. Да и Крымский мост имел тогда совсем иной вид – квадратный, словно железнодорожный. Сколько мы на этом стадионе пропадали, болея за наш «Спартак» и мутузя друг дружку, лишь бы подобраться поближе к знаменитым футбольным кумирам!

Голуби, спорт, вечные драки да кино – вот мое довоенное московское детство.

Кино, если нас не выгони, мы смотрели бы сутками. Тем более, кинотеатр «Авангард» был под боком. А там, где нынешний Театр эстрады, находился Первый детский кинотеатр. Бывало, засунешь портфель куда-нибудь под лестницу и вместо школы – в Первый детский.

Билеты были недорогие. Мне на них деньги давала мама. Но она строго следила за моими успехами в школе. Не дай боже принести «посредственно»!.. Даже за «хорошо» – обида. И это не из-за того, что из меня хотели вылепить примерного отличника. В нашей военной семье выбивалась из детей лень, мы и подметали, и бегали в магазин, и по другим поручениям.

– Ну почему ты обижаешься, – спрашивал я маму, – что я принес «хорошо»?

– Если бы ты был придурок, я бы к тебе относилась снисходительно. Но ведь это не так. Вот мне и обидно, что ты ленишься, историю знаешь на «хорошо», когда можно и надо на «отлично». Вот за это «хорошо» я тебе и не дам денег «на кино».

Это было суровое наказание. Да и самому мне было неприятно, когда выйдешь к доске, на тебя смотрят девочки, а ты стоишь, как идиот, и ни бэ ни мэ. Я и сам любил учиться. Любил литературу. Особенно увлекался географическими картами, любил делать цветные чертежи по физике и гео-

метрии. Вообще со школьной парты я – человек увлекающийся, всегда должен быть чем-то занят. Вот только не всегда хватало усидчивости. Поэтому, наверное, правильно, что я пошел в артисты, а не в художники, хоть рисовал хорошо. Профессия артиста больше соответствует моему характеру, я человек подвижный, мне трудно долго корпеть над одной картиной, как то делают профессиональные художники. И наверное, в характере что-то есть особенное. Артистизм, что ли? Хочется больше появляться на людях, участвовать в игре. В профессии артиста нужны и навыки, и умение, и талант. Но для меня главное, что это – праздник. Надо сегодня играть в спектакле – я иду на праздник. Иногда с удивлением слышу от коллег по профессии на вопрос: «Куда идешь?» – такой ответ: «Да в театр, будь оно неладно. Играть сегодня, скорее бы отделаться».

Кинотеатр «Авангард» на Калужской площади

Непонятно. Если неинтересно, трудно, надоело – тогда уйди. Театр – твоя жизнь. А такой профессии, как артист кино, по-моему вовсе не существует. Моя профессия называется только одним словом – артист. Когда я смотрю старые фильмы, где играл, то удивляюсь: где я всему этому выучился? Да и вообще: я ли это? У меня создается ощущение, что кто-то взял и подарил мне особенную вторую жизнь, вел меня откуда-то сверху, как кукловод в причудливый искусственный мир.

Удивляюсь, когда слышу: «Как мне трудно давалась эта роль». Мне все давалось легко – я ходил на праздник. Ко-

нечно, я уставал, у меня были роли, требовавшие большой физической отдачи. Взять, к примеру, съемки «Сорок первого» в пустыне, изматывающие то холод, то жара. И песок, песок, песок... Но я все преодолевал с радостью. И тогда же понял – в кино дохляк не нужен, здесь место выносливому, хорошо знакомому со спортом человеку.

Надо еще выработать в себе такие качества: терпеть и уметь ждать. Нет, не залечь спать, дожидаясь нужного часа. Да один только грим приходится хранить сутками! Надо уметь хранить в себе образ, который взялся воплощать. Начало утренней смены в 7.45, впереди 14 часов на натуре. А тебе играть только через десять часов – и играть самый трудный эпизод, где не соврешь, не схалтуришь. Так что, ожидая своего кадра, не подремлешь, не развлечешься игривой беседой про былую жизнь или анекдотом.

В перерывах нынешних съемок иногда слышишь: «Все! Камера остановилась. Отстрелялись!» – «Как? – удивляешься. – Ты отступал, что ли? Или в тире? Ведь ты на рабочем месте – на съемочной площадке. Надо работать над ролью, а не отстреливаться!»

Все, кого я видел на киноэкране до войны и во время войны, – мои любимцы, кумиры. Плеяда великолепных советских режиссеров создала фильмы, которые помнит не только мое, но и более позднее поколение. Мне удалось в юные годы увидеть и киноленты уже несколько позабытые, хотя во многом поучительные для человека, собирающегося стать про-

фессиональным артистом.

На Коровьем валу, в глубине нашего двора – голубятня, за ней дом, а следующее здание НИКФИ – основанного в 1929 году Научно-исследовательского кинофотоинститута. Вход в него с Житной улицы, напротив кинотеатра «Авангард». Тогда еще был в сохранности павильон со стеклянной крышей, где снимали старое кино.

Здание НИКФИ – бывшая киностудия Александра Ханжонкова – родоначальника отечественного кинематографа, еще в 1908 году открывшего в Москве первую русскую кинофабрику и построившего несколько кинотеатров, среди них «Арс» на Тверской улице и «Дом Ханжонкова» на Триумфальной площади.

Я по возрасту не мог видеть начало русского кинематографа. Но, судя по воспоминаниям очевидцев, главным зрителем все же всегда считалась молодежь.

Кумиры кинематографа начала нашего века – Макс Линдер, Фред Астер и наши отечественные Вера Холодная, Мозжухин, Чердынин, Полонский, Максимов – были мне известны.

В НИКФИ работали взрослые девочки с нашего двора – проявщицами, архивистами, монтажницами. В сорок четвертом году, когда мы с мамой жили вдвоем, если не считать любимого шпица Миши, меня устроили в НИКФИ учеником механика. Я очутился среди стен, еще хранивших память об истоках русского кино. Вот теперь-то во время просмотров

«для своих» удалось бесплатно увидеть массу старых картин. Сюжеты зачастую не отличались оригинальностью, да и сама картина длилась десять-пятнадцать минут. Оказалось, что на заре кинематографа очень любили мелодрамы.

Но самые замечательные фильмы, увиденные в пятнадцатилетнем возрасте, – старые киноленты с гениальным Чарли Чаплином.

В конце сорок четвертого года стали привозить трофейные картины. Я смог познакомиться со многими звуковыми зарубежными фильмами тридцатых годов.

В НИКФИ я проработал около двух лет и получил медаль с надписью: «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны».

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, пришлось расстаться с этим замечательным хранилищем киноискусства – надо было идти на трудфронт, как и всякому совершеннолетнему гражданину страны. Строил Павелецкий вокзал и прокладывал железную дорогу для пригородных электричек. Мама вплоть до сорок шестого года работала в научном зале библиотеки имени В. И. Ленина. Она тоже получила медаль «За доблестный и самоотверженный труд...». Правда, продуктов по карточкам я, как рабочий, получал больше, чем она. Но все мы, естественно, делили поровну на троих: маме, мне и шпичу Мише. Может быть, Мише, как младшему, перепадало и поболее.

Братья. Эшелоны на путях

Борис был на десять лет старше меня. В тридцать седьмом году ему исполнилось восемнадцать лет, и он уехал в Саратов учиться на летчика. Его выбор никого не удивил, большинство в семье Стриженовых – потомственные профессиональные военные. И не только по папиной линии. Мамин отец – гусар, полный Георгиевский кавалер, потомственный почетный гражданин Российской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.